

АРХИТЕКТУРА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО. РЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH PAPER

УДК 72.01:916.014

DOI: 10.22227/1997-0935.2024.11.1735-1745

Реабилитация среды обитания современных городов Сирии

Аммар Аасем, Валентин Никитович Ткачев

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ); г. Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Введение. Города Сирии имеют двойную структуру организации застройки: традиционное жилище ковровой застройки с консервативным укладом жизни обитателей и сложившийся в периоды колонизации «европейский город», каждая из которых ориентируется на отдельную методику реабилитации. Предмет исследования — восстановление разрушенных городов Сирии. Цель — представление гипотезы обновления парадигмы реабилитации, интегрирующей методологию урбанистики и объемного строительства вводом программ фрактального распределения паттернов жизнеобеспечения городов.

Материалы и методы. Для формирования предпосылок реконструкции «фоновой» застройки и «европейского города» изучались по доступным литературным источникам и натурным объектам сложившиеся социально-этнические параметры обитателей сирийских городов разного исторического морфогенеза, типология жилища. Фоновая застройка принята базовым объектом восстановительных работ на основе простейшей универсальной системы фрактального распределения паттернов жизнеобеспечения. Дано пояснение сущности этой системы, временно замещающей типовые методы и последовательность градостроительной реконструкции.

Результаты. Описаны модели реконструкции ковровой застройки и специфика концептуального подхода к использованию архитектуры как средства предотвращения миграции, сохранения национальной идентичности образа города.

Выводы. Высказываются опасения о судьбах сирийских городов, разрушение которых грозит распадом культуры этой древней страны, спасение которой во многом зависит от грамотной архитектурной стратегии восстановления среды обитания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: разрушенные города Сирии, концепции восстановления, бытовые традиции мусульманского социума, структурные аналоги, модели обновления, типология жилых объектов, программа фрактальной реабилитации

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Аасем А., Ткачев В.Н. Реабилитация среды обитания современных городов Сирии // Вестник МГСУ. 2024. Т. 19. Вып. 11. С. 1735–1745. DOI: 10.22227/1997-0935.2024.11.1735-1745

Автор, ответственный за переписку: Валентин Никитович Ткачев, valentintn@mail.ru.

Rehabilitation of the habitat of modern cities in Syria

Ammar Aasem, Valentin N. Tkachev

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (MGSU);
Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Introduction. Cities of Syria have a dual structure of building organization: a traditional carpet-built dwelling with a conservative lifestyle of the inhabitants and the “European city” that developed during the periods of colonization — each of which focuses on a separate rehabilitation method. The subject of the study is the restoration of the destroyed cities of Syria. The aim is to present the hypothesis of updating the rehabilitation paradigm, integrating the methodology of urbanism and volumetric construction by introducing programmes for the fractal distribution of patterns of urban life support.

Materials and methods. To form the prerequisites for the reconstruction of the “background” development and the “European city”, the established socio-ethnic parameters of the inhabitants of Syrian cities of different historical morphogenesis, the typology of housing were studied using available literary sources and natural objects. The background building is accepted as the basic object of restoration work based on the simplest universal system of fractal distribution of life support patterns. An explanation of the essence of this system, which temporarily replaces the standard methods and sequence of urban reconstruction, is given.

Results. The models of “carpet” building reconstruction and the specifics of the conceptual approach to the use of architecture as a means of preventing migration, preserving the national identity of the image of the city are described.

Conclusions. There are concerns about the fate of Syrian cities, the destruction of which threatens to disintegrate the culture of this ancient country, the salvation of which largely depends on a competent architectural strategy for restoring the habitat.

KEYWORDS: destroyed cities of Syria, reconstruction concepts, everyday traditions of the Muslim society, structural analogues, renewal models, ideology of residential facilities, fractal rehabilitation programme

ВВЕДЕНИЕ

Города стареют и разрушаются по разным причинам. Обновлением их застройки решается несколько проблем: восстановление на прежнем месте разрушенного фонда в результате войн или землетрясений; частичное обновление застройки; мероприятия по благоустройству. Особенности колонизированных восточных городов — территориальный контакт традиционной, идущей с феодальных времен застройки и «европейского» города.

В анализе структуры таких городов ключевое внимание обычно уделяется регулярной архитектуре жилища и знаковых общественных объектов, не затрагивая «фоновой» застройки. Исторические исследования указывают между тем на важную роль в организации городской среды именно этой тривиальной застройки, формирующей основную жизнеспособную массу восточного города, освященную сложившимися национально-этническими нормами обитания и религиозными установками. При всей стихии восточной урбанистики выявляется структурно устойчивый и уникальный по своей значимости регламент социальных отношений городского мусульманского сообщества, который должен быть сохранен в процессе обновления среды как архетип специфического морфогенеза.

Аналогичная преобразовательная осторожность должна быть и в отношении других конфессиональных групп населения восстанавливаемых городов.

Ближний Восток уже несколько десятилетий находится в состоянии гражданских войн, поощряемых «заинтересованными» государствами.

С распадом Османской империи ее территории были распределены между молодыми арабскими государствами без учета этнических локаций и пограничной напряженности.

В борьбу за передел территорий вмешались европейские страны, стремившиеся колонизовать земли, богатые природными ресурсами, прежде всего нефтью.

Продолжающаяся междоусобица правительств и «повстанцев», подогреваемая западными хищниками, ведет ближневосточные страны к суициду, безрассудному разорению среды обитания, разрушению городов враждующими сторонами.

Сегодня и Сирия стала объектом многочисленных сторонних притязаний и практически находится на военном положении. Тем не менее в этих тяжелых условиях необходимо строить планы на будущее, искать нестандартные и эффективные способы восстановления страны, возвращения населения к нормальной жизни. Вернуть связь с историческим прошлым, культурными памятниками. Сохранить традиционный комфорт среды обитания.

Опыт восстановления многих городов после войн и землетрясений, например Варшавы и Ташкента, показывает успешность обновления за счет застройки

новыми кварталами и восстановления исторической среды, сочетания нового со старым, благоустройства, в целом благодаря возвращению городам утраченного образа и их прежнего статуса аттракторов, очагов культуры и полноценной жизни. В процессе их восстановления одновременно реставрировалась историческая застройка и возводились современные комфортные здания по новым проектам. Тогда еще не созрели вопросы взаимодействия культур разного исторического морфогенеза.

В городах Сирии сегодня сложилась особая ситуация. В течение десятилетий накапливалась визуально конфликтная обстановка из-за соприкосновения различных урбанистических систем: свойственного для феодальных городов бессистемного аддитивного заполнения пространства городской территории ковровой застройкой и европейской колониальной архитектуры регулярной планировки. В результате образовалась плотная, практически непроницаемая для транспорта масса прилегающих друг к другу глинобитных «клеток» с капиллярным доступом к каждой (рис. 1).

В силу исторического созревания синтеза между религиозной и светской жизнью таких поселений сформировалась специфическая общность, постоянная на мусульманских морально-этнических догматах, своеобразного восточного домостроя (не худших, заметим, норм общественной морали).

В Сирии система городского расселения имеет трехступенчатую структуру: областную (мухафазы), городских районов (минтаки), внутригородских кварталов (навахи). Сейчас в стране насчитывается 14 мухафаз и отдельно Дамаск, состоящий из 65 минтак, включающих 281 навахи.

Для сравнения в Узбекистане в близких исторических условиях группа из нескольких десятков домов компоновалась вокруг «своей» мечети как универсального центра «малого» социума, получившего название махалля [1–3], обладающего правами решать общинные проблемы на сходках, проводить работы по благоустройству, строительству нового жилья, организации свадеб, похорон и прочим житейским обрядам. В качестве элементов инфраструктуры такие стихийные «административные» образования (не касающиеся архитектуры) имеют рынки, ремесленные мастерские, цирюльни, бани, в той или иной степени свойственные мусульманским городам Средней Азии. На Ближнем Востоке похожий тип организации коммунального поселения располагает аналогичной системой обслуживания¹ [4, 5].

¹ تيار عمل الة ندم ططخت .ن انك ل م د . أ ا
تتادل و ة صوص ل ة م س ال [Камель аль-Канани А. Араб-исламское городское планирование, конфиденциальность и современность]. URL: <https://urplanner.blogspot.com/2008/01/blog-post.html>

Рис. 1. Ковровая застройка Алеппо. Старый город²

Fig. 1. Carpet construction of Aleppo. The old town²

Ценность взаимопомощи жителей махалля в уверенности получения помощи соседей, демократической форме управления, возглавляемого советом аксакалов, играющим к тому же серьезную роль в воспитании молодежи, была понята в Узбекистане, где махалля официально признаны управляющим институтом регионального уровня.

Аналогичные системы самоорганизации жителей «фонового» города свойственны и городам Ближнего Востока.

Исследователи, мимоходом затрагивающие тему иррегулярной, транспортно недоступной стихийной застройки махалля и навахи, обращают внимание на визуальную разницу внешних глинобитных глухих стен «блокированного» жилья и внутренних помещений, имеющих цветную керамическую орнаментацию стен и пола, изящную мебель, учитывающих рекомендации Корана, призывающего к скромности облика жилища, достойного правоверных.

Господствует «интерьерная» психология восприятия архитектурного пространства, отсутствует внимание к украшению внешних поверхностей и даже к удобной доступности жилища, ограниченной «капиллярными» проходами, теснота которых отчасти компенсировалась относительно свободным атриумом двора каждого жилища. Конечно, со временем в последнее столетие города с такой плотной, ковровой застройкой, подчиняясь активизации транспортной связи застройки в европейских нормах, при-

обрили разгрузочные дороги — кольцевые вокруг цитадели и главной мечети, и радиальные вылетные для поддержки связи с другими населенными пунктами. Наиболее заметна эта межгородская связь с цепочкой основных городов Сирии: Дамаском, Хомсом, Хамой, Идлибом, Алеппо (рис. 2–5).

Небольшая деталь принадлежности быта в махалля и навахи: арба — одноколка на высоких колесах, позволяющая, помимо прочих достоинств, вознице наблюдать с большой высоты, куда нужно ехать по извилистым проходам между низкими домами безбрежного «моря» застройки.

Как объект вернакулярной деятельности жителей, заселяющих город, махалля (навахи) до сих пор является устойчивой урбанистической единицей, парцеллой застройки, жители которой ментально и психологически «приросли» к месту многолетнего обитания семьи (рода, общины) и настроены против изменений; они намерены жить всегда так, как жили их деды.

В таком эмоционально невыраженном режиме преданности месту есть позитив сохранения национальной идентичности — и, с другой стороны, негатив, тормозящий цивилизационное обновление жизни.

Внесение европейского ритма городского обитания при колонизации как азиатских, так и малоазийских городов задало урбанистическую поляризацию структур традиционной и новой застройки, форме их контактов как между объектами взаимной скрытой идиосинкразии, бытовой несовместимости.

Аморфная, с точки зрения посторонних, стихийная масса застройки махалля и навахи противо-

² URL: <https://cdn.fishki.net/upload/post/2016/12/13/2163284/217966.jpg>

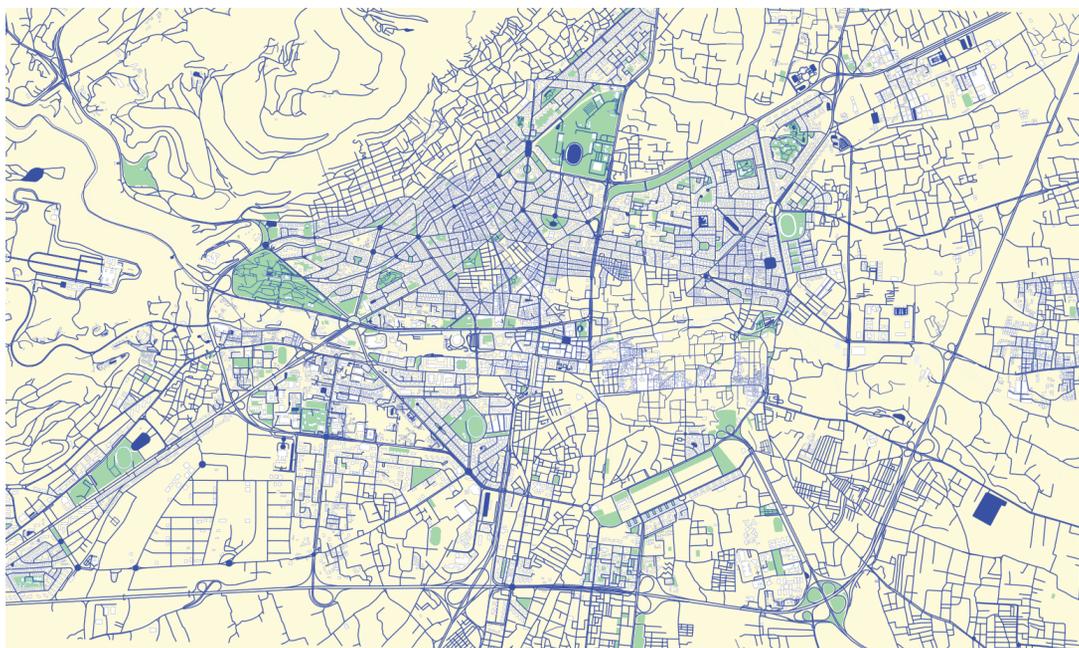

Рис. 2. Схема генерального плана Дамаска

Fig. 2. The outline of the general plan of Damascus

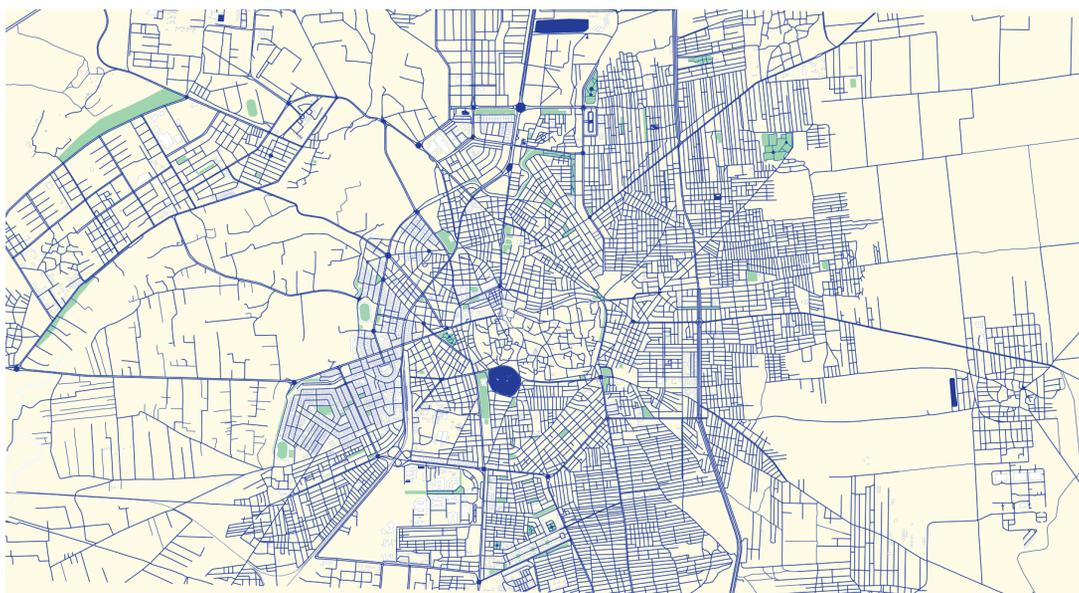

Рис. 3. Схема генерального плана Хомса

Fig. 3. The outline of the Holmes master plan

поставляется симметричным объемам «вставок» культовых и торговых сооружений (базар, торговый перекресток, чайхана, мечеть), заслуживающих архитектурного анализа. Условно «производственные» по функциям очаги — пекарни, парикмахерские, ремесленные мастерские, изготовление бытовой утвари, аптеки — растворялись в обычной застройке.

Между тем один из советских исследователей городской архитектуры Узбекистана, доктор архитектуры И.И. Ноткин справедливо указывал на серьезную роль махалля в качестве «фоновом» объекта бинарной

оппозиции, акцентирующей значимые сооружения [6]. Так, в визуальной оценке ансамбля Регистан в Самарканде важен именно его синтез по контрасту с морем желто-песчаного фона окружающей среды (рис. 6).

Вероятно, это один из удачных приемов закрепления архитектурной идентичности застройки с акцентированием местных ориентиров в зоне махалля (навахи) и адаптации к ним изолированных анклавов современной застройки.

Подсказкой к рисунку предполагаемых мероприятий реконструкции городов может служить

Рис. 4. Разрушения города Идлиба

Fig. 4. The destruction of the city Idlib

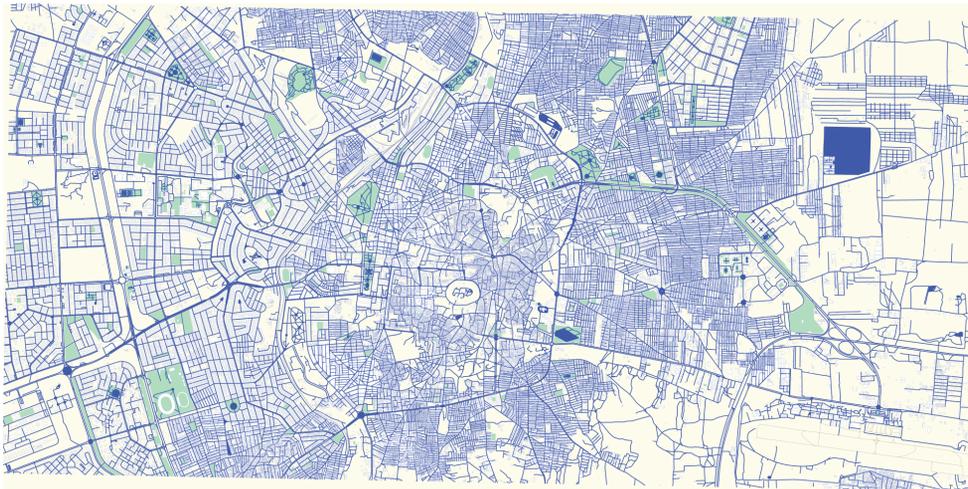

Рис. 5. Схема генерального плана Алеппо

Fig. 5. A diagram of the Aleppo master plan

калька существующих магистралей, трассированных с исторической целесообразностью.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ожидании, что мир, наконец, наступит на сирийской земле, имеет смысл готовить генеральную концепцию обновления городской застройки с привлечением архитектурных усилий, ускоряющих процесс реабилитации среды обитания в современных общемировых стандартах и, с другой стороны, способствующих осуществлению систем бережного переноса сложившихся режимов жизни на канву цивилизованных пространственных решений.

Авторы уже указывали на весьма скудную информацию по анализу тривиальной стихийной застройки махалля с точки зрения урбанистической логики, еще раз подчеркнем важность сохранения идентичности среды при обновлении застройки городов, сохраняющих сугубо феодальную систему менталитета общественно-семейных отношений, требующую осторожной адаптации (как при переносе пчелиного улья) религиозных и светских жизненных установок Востока в современных условиях. Здесь доминирование мусульманской психологии еще не исчерпало себя и сохраняет влияние на идеологию и методологию архитектурного проектирования.

Рис. 6. Пример организованного ансамбля среди ковровой застройки. Эль Регистан, Самарканд³

Fig. 6. An example of an organized ensemble among carpet construction. El Registan, Samarkand³

Фоновая застройка как феномен морфогенеза заслуживает анализа и реабилитации как целостная система, но не как объект восстановительных работ по следам утраченной застройки. Для ускоренного возвращения к жизни территорий навахи целесообразно полагать их *carte blanche* — свободными для новой застройки. И применить к их восстановлению методологию фрактального освоения территории, суть которой заключается в следующем.

Люди кооперируются в городские сообщества в поисках наиболее полного обеспечения их жизненных потребностей, «упакованных» в систему социального обслуживания, причем блок паттернов жизнеобеспечения на всех этапах иерархии системы от города до жилой ячейки сохраняется неизменным по номенклатуре, но сокращается масштабно (рис. 7).

Ущербность так называемых моногородов, спешно создаваемых при новых индустриальных центрах Советского Союза, обязана именно некомплектности паттернов жизнеобеспечения.

То есть речь о том, что во главу угла урбанистической реабилитации ставится система распределения жизненных благ, некоторым образом «военный коммунизм». Возможно, это остановит поток иммиграции, упорядочит систему снабжения временных поселений, упростит бюрократическую работу по стандартизации предоставления паттернов. И в последующем послужит каркасом стабильной системы городских служб, в сферу действия которых включается и «европейская» застройка». Для подробного выяснения работы этой фрактальной системы можно более детально ознакомиться со схемой на рис. 3.

Значение взаимной адаптации урбанистической поляризации, останавливающей процесс миграции

населения восточных стран в Европу, трудно переоценить как средство погашения конфликтов, возникающих при контакте людей различной этнической культуры и конфессий, социального и имущественного неравенства.

Также трудно прогнозировать, какое направление примет в ближайшее время социальное движение в Сирии, равно как и на всем Ближнем Востоке, однако нужно уже сейчас программировать долгосрочные акции, решающие аспекты реабилитации среды обитания.

Архитектурные мероприятия по организации пространства, благоприятные для развертывания в нем позитивно настроенных действий, предоставляют возможности по меньшей мере для стабилизации социума, на почве которой можно «выращивать» новые городские структуры, сохраняющие привлекательность для населения, снимающие психологический синдром миграционных намерений.

Одним из арабских источников, посвященных теме обновления Востока, является работа Н. Ардабана и Л. Бахтияра «Чувство единства суфийской традиции Персидской архитектуры» [4], а также работы Исхак Якуб Аль-Кутуба, Абдул Илах Абу Айяша² [5].

Но и труды ученых, не находящихся внутри объекта исследования, т.е. Ближнего Востока, вполне допускают проекцию методологических соображений, порожденных среднеазиатским материалом, на сферу арабского региона. Во всяком случае, такие параллели полезны как для сопоставлений, так и для заимствования опыта. Мы воспользовались как путеводителями в лабиринтах восточной специфики расселения доступными публикациями на близкие темы: работами Л.Ю. Маньковской [7], Н.И. Смолиной [8], М.Е. Массона [9], И.И. Ноткина [6], Г.А. Пугаченковой [10], З.Н. Яргиной [11], К. Линча [12], Ш. Ле Корбюзье [13], А.Э. Гутнова

³ URL: https://kazpravda.kz/media/ckeditor_files/share/2022/11/11/6_xrWwreB.JPG

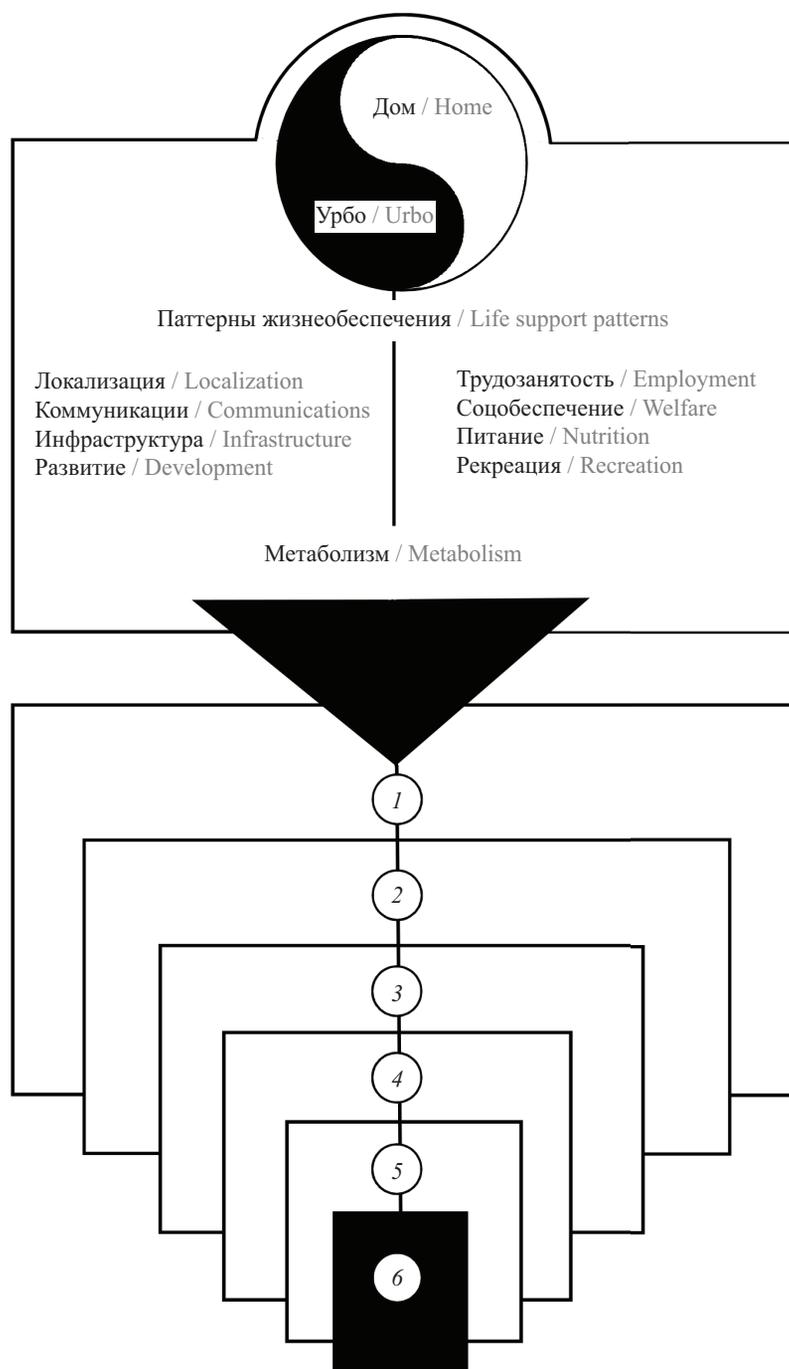

Рис. 7. Схема фрактального распределения паттернов жизнеобеспечения на шкале организованной среды обитания: 1 — конурбация; 2 — агломерация; 3 — город; 4 — район; 5 — жилая группа; 6 — жилая ячейка (рисунок В.Н. Ткачева)

Fig. 7. A diagram of the fractal distribution of life support patterns on the scale of an organized habitat: 1 — conurbation; 2 — agglomeration; 3 — city; 4 — district; 5 — residential group; 6 — residential cell (drawing by V.N. Tkachev)

[14], К. Танге [15,], Я.В. Косицкого [16], В.В. Владимиров [17], П. Мерлена [18], В.А. Лаврова [19] и др.

В конце XX в. исследованиями эволюции городской среды плодотворно занимался доктор архитектуры А. Гутнов. Но административная рутинность и архаичность градостроительного проектирования отеснили перспективы реализации его разработок. Сегодня урбанистическое мышление поднялось на новый уровень фрактальной методологии анализа сложных систем, к которым относится город, и за-

ставляет вернуться к рассмотрению его «как иерархии “вкладываемых друг в друга структур» [20].

Если мы соединим теоретические позиции К. Александера, Б. Манделброта, А. Гутнова, можно скомпоновать новую парадигму урбанистики, которой предлагаем заняться компетентным специалистам. Она очень пригодится для создания концепции восстановления городов Сирии.

Дежурные мероприятия, которые можно программировать на решение ближневосточных про-

блем в архитектурном аспекте, конечно, не смогут обмануть эволюцию применением временных компенсационных приемов, но разрабатывать их, безусловно, нужно.

При этом пакет проблем сирийских городов: внутренняя миграция с переуплотнением заселения городов несмотря на разруху, нехватка жилья и стихийная самодеятельная архитектура, подорванная инфраструктура, подавленная строительная индустрия, низкий уровень жизненного комфорта, рост цен на жилье, отсутствие работы и, следовательно, источников жизнеобеспечения — невозможно решить эпизодическими усилиями, тем более что в Сирии еще не разработана система грамотного возвращения к жизни разоренных кварталов. Необходим централизованный государственный аппарат, способный решать вопросы в экстремальном режиме.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для определения направлений реабилитации городской среды целесообразно разобраться в современных тенденциях формирования общей концепции реконструкции, которая пока традиционно и логично начинается с урбанистики и завершается проектированием объемных решений.

Тема устойчивого развития наднациональна и в целом включает синтез базовых принципов жизнеобеспечения: экологию, экономику, социальный мир.

Идеология устойчивости прозрачно отображена в исследованиях известного американского ученого-урбаниста К. Линча, посвященных выявлению «совершенных форм города» [12], без конкретных градостроительных разработок, что вполне естественно для теоретической работы установления концептуальных позиций проектировщиков, отвечающих потребностям обитателей.

Точно так же конкретная теория архитектуры объемной, анализирующая житейскую конъюнктуру, динамику комфортных требований и эволюцию стилистики, включающих «чувство места», практически далека от реальной проектной работы, у которой свои меры проектной «игры», обставленной нормативами, проблемами согласования, технологии и экономики осуществления проектного замысла, и которая представляет собой объект менеджмента.

В формировании концепции участия архитектуры в реабилитации среды города имеет смысл обобщить в единой системе блок паттернов жизнеобеспечения как ключевой элемент, определяющий круг проблем, а затем наметить по двум руслам — урбанистическому и объемному — системы отдельных технических мероприятий по реализации проектных разработок, намеченных генеральной концепцией (см. рис. 7). Такая централизация узла задач с последующим размежеванием технических этапов позволяет «держать руку на пульсе» всей отрасли в целом, устранять промежуточные циклы работ, нередко искажающих линейность исполнения замыслов, повы-

шать ответственность исполнителей за свой фронт работ, упростить отчетность. И в целом повысить уровень организованности, что чрезвычайно важно в условиях нестабильности.

В генеральной концепции должны быть представлены крупные блоки направлений архитектурной деятельности, не отделяя урбанистику (на концептуальном этапе) от объемного проектирования архитектурных объектов.

Они обозначены в паттернах как наиболее актуальные в условиях всеобщей неустроенности, деформации городской структуры:

- системы обеспечения первичных потребностей (жилище, питание, метаболизм);
- обеспечение безопасности;
- социальные инфраструктуры;
- транспортная доступность;
- информация и образование;
- мобильность;
- трудовая занятость.

Все разделы паттернов реализуются в урбанистических и архитектурных формах при постоянстве списка паттернов в разных масштабах (на схеме это «Урбо» и «Дом»).

Создание регулирующего органа, контролирующего деятельность по каждому виду паттернов, составляет первый шаг в организации системных мероприятий архитектурного морфогенеза.

Концепция сохранения целостной атмосферы восстанавливаемого города — это реализация архитектурной полифонии — разделение традиционного массива махалля (и навахи — его ближневосточного аналога) и индустриальной современной застройки — «европейского города».

Модели подхода:

1. Трактовка традиционной застройки как опорной для бережной реконструкции сложившейся «фоновой» ткани города.

2. Возведение новых кварталов современной архитектуры на расчищенных после разрушений территориях.

3. Проведение работ по реабилитации уцелевшей застройки с элементами благоустройства.

Для сохранения исторического лица города следует ориентироваться на выявление архитектурных акцентов на трассах внутригородских «паломнических» путей.

Необходима разработка концепции освоения глубинных территорий страны, где ожидается прекращение военных действий и обеспечение безопасной реализации принимаемых решений. Пальмира, как геометрический центр страны, должна уже в ближайшей перспективе стать объектом восстановления исторической аутентичности Сирии.

Освобождение частей города от разрушений даст импульс к разработке новых градостроительных ориентиров, разработке серий зданий, образующих массовые аттракторы целесообразности в глазах населения.

Навахи — исторически сложившийся, уникальный в своем роде социальный институт жизни мусульманского населения, поддерживающий национальные традиции, принимается как инвариант действий реабилитации.

Любые смелые архитектурные решения не должны создавать иллюзию успешного выполнения социальной задачи этими средствами, а проходить тестирование отсутствия покушения на сложившиеся традиции обитания, на извращение норм идентификации.

Свой визуальный шарм среднеазиатские и ближневосточные города сохранили в силу исторических обстоятельств, специфической конфессиональной психологии и мировоззрения обитателей городов ковровой застройки. Это естественный отклик идеальной реконструкции таких древних городов, как Ур, Чаталхююк, Топрак-кала.

Социальная организация подобных городов впоследствии закрепились исламом, табуировавшим ковровые поселения от возможных пространственных возмущений.

Табуированность феодальных поселений от обновлений сказалась на отставании их от быстрых темпов развития, присущих европейским городам, и выразилась в дихотомии наиболее крупных городских центров Сирии, в которых соприкасаются практически два мира. Задача состоит в создании условий их безболезненного социального сосуществования. При реконструкции со временем допускается послабление табу неприкосновенности по отношению к историческим объектам, если обстоятельства современной реабилитации среды потребуют освободить место для новой застройки.

Полезной будет активизация процессов обновления по всей цепочке городов от Дамаска до Алеппо.

Идеологический стержень реконструкции разрушенных городов страны пока только намечается. Во всяком случае он не должен разрушать сложившиеся традиции общинного обитания или их модификации, основанные на коммунальном быте мусульманского сообщества, сохраняющего видимость изолированности.

Очевидно, именно здесь нужно искать пути останки миграции населения из стран, где люди отчаялись найти почву под ногами, перспективы жизни на месте обитания предков.

Массовая миграция в благополучные страны — это естественное следствие неравновесной эволюции запада и востока? Возможно, потребуется международное сотрудничество по разработке программ реабилитации «сломавшейся» среды обитания маргинальных народов; все-таки инвазии чужой культуры есть исторический факт и нелогично исключать его последствия из работ восстановления синтетической среды, где уже сложились некоторые режимы взаимодействия, представляющие общий интерес. Это относится к французскому влиянию в Сирии и русскому — в Средней Азии.

Есть предположения, что внесение в программу реабилитации неких совершенно новых принципов

компоновки городской среды, например, на основе фрактальности, которой закладываются основы воспроизведения формы в разных масштабах, может освежить методiku осмысления эволюции города как среднего звена в ряду пространственных форм: квартиры — дома — квартала — района — города — агломерации — ... и т.д., в каждой из которых заложен один и тот же комплекс паттернов жизнеобеспечения. Может быть, его и следует принять в качестве парцеллы, генетического ядра единицы организованной среды?

В ряде исследований уже обновляются вопросы целостности архитектуры как объекта синтезирования всех составляющих аспектов независимо от масштабов и области реализации задач организации среды (урбо или объем), вернув ценность главному механизму, объединяющему людей в сообщества взаимозависимых особей — блоку жизненных потребностей.

К таким вопросам относится так называемая эмерджентность как фактор взаимодействия всех составляющих, идея сбалансированности (темперированности по И.С. Баху), идея аутопоэзиса — самовоспроизводства организованных форм материи по теории У. Матураны и Ф. Варелы [21], чилийских биологов, настойчиво подталкивающих науку к теоретической интеграции разрозненных знаний разных областей, архитектуры в том числе, т.е. теорию архитектуры уже методологически «подпирают» смежные науки.

Теоретическое обновление откроет возможности более целенаправленного процесса реосвоения территорий — с заменой традиционной урбанистической парадигмы, восстановлением психологической атмосферы нарушенного быта, если речь по-прежнему идет о сирийских городах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Сирии сложилась безвыходная обстановка затянувшейся гражданской войны, ведущая, если просчитать все шансы противоборствующих сил, к самоуничтожению страны и ее обезлюдению. Неужели это конец страны, внесшей неопределимый вклад в историю цивилизации, мировую культуру и архитектуру? Слепые обстоятельства, не без помощи со стороны, толкают ее к гибели.

Но кто-то должен сделать пусть неожиданный, но яркий поступок, который станет ориентиром для всплеска пассионарности. Похоже, что сирийская история пришла к своей точке сингулярности и настало время обновления. Лучшего и очевидного средства изменения менталитета в сторону креативности, чем архитектура, трудно придумать.

Но и архитектура должна выйти на новые орбиты творчества, в частности изменения принципов реабилитации разоренных городов [22].

Решительный шаг обновления должен опираться на патриотический пафос молодых реформаторов. История не раз подтверждала эффективность пассионарных рывков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мусурманкулов Ф.У. Махалля — важный субъект самоуправления граждан // Молодой ученый. 2013. № 7. С. 351–353. EDN OSIMSA.
2. Азизханов А.Т., Ефимова А.П. Теория и практика строительства демократического общества в Узбекистане. Ташкент : Национальный университет Узбекистана, 2005.
3. Юлдашева Р.К. Структура махалли и ее роль в жилой застройке исторических городов Узбекистана // Проблемы современной науки и образования. 2022. № 1 (170). С. 121–124. EDN RQYEKL.
4. Ardalan N., Bakhtiar L. The sense of Unity: The Sufi Tradition in Persian Architecture. Chicago, London : The University of Chicago Press, 1973.
5. يف يرض حل طيخنتلا و ومزل لال ا دبع شاي ع وبأ وبأ لال دبع ،بطقول بوق عي قحسا / يبرعلا جيل خلا لود متاعوبطل شاي ع . 1980; 328. [Исхак Якуб Катб, Абдель Аль Аббас. Сельскохозяйственное развитие и планирование в странах Аравийского полуострова. Издательство «Матбуа», 1980. 328 с.]. URL: <https://lib.mcu.gov.uz/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=50795>
6. Ноткин И.И. Архитектурно-пространственное формообразование исторически сложившихся городов Узбекистана : дис. ... д-ра архитектуры. Ташкент, 1980. Т. 1. 418 с.
7. Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – нач. XX вв.). Ташкент : Фан, 1980. 183 с.
8. Смолина Н.И. Традиции симметрии в архитектуре. М. : Стройиздат, 1990. 343 с.
9. Массон М.Е. К исторической топографии Герата XV в. // Великий узбекский поэт. 1948.
10. Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии, XV век. Ташкент : Изд-во лит. и искусства, 1976. 115 с.
11. Яргина З.Н. Эстетика города. М. : Стройиздат, 1991. 365 с.
12. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. М. : Стройиздат, 1986. 264 с.
13. Ле Корбюзье Ш. Архитектура XX века. М. : Прогресс, 1970. 304 с.
14. Гутнов А.Э. Эволюция градостроительства. М. : Стройиздат, 1984. 256 с.
15. Танге К. Архитектура Японии: традиция и современность. М. : Прогресс, 1975. 239 с.
16. Косицкий Я.В. Архитектурно-планировочное развитие городов. М. : Архитектура-С. 2005. 648 с.
17. Владимиров В.В. Расселение и окружающая среда. М. : Стройиздат, 1982. 228 с.
18. Мерлен П. Город. Количественные методы изучения. М. : Прогресс, 1977. 262 с.
19. Лавров В.А. Развитие планировочной структуры исторически сложившихся городов. М. : Стройиздат, 1977. 176 с.
20. Гутнов А.Э. Город как объект системного исследования // Вопросы теории архитектуры : сб. ст. 1976. С. 101–114.
21. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М. : Прогресс, 1995.
22. Ткачев В.Н., Сарвут Т.О. Опыт трансляции механизма теории фракталов на принципы освоения среды обитания Сибири и Заполярья // Архитектура и строительство России. 2019. № 2 (230). С. 48–57. EDN GCVBIO.

Поступила в редакцию 25 мая 2024 г.

Принята в доработанном виде 11 октября 2024 г.

Одобрена для публикации 11 октября 2024 г.

ОБ АВТОРАХ: Аммар Аасем — аспирант кафедры архитектуры Института архитектуры и градостроительства; Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ); 129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26; asemamar95@gmail.com;

Валентин Никитович Ткачев — доктор архитектуры, профессор кафедры архитектуры Института архитектуры и градостроительства; Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ); 129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26; ORCID: 0000-0001-5434-6785; valentintn@mail.ru.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

REFERENCES

1. Musurmankulov F.U. Mahalla is an important subject of self-government of citizens. *Young Scientist*. 2013; 7:351-353. EDN OSIMSA. (rus.).
2. Azizkhanov A.T., Efimova A.P. *Theory and practice of building a democratic society in Uzbekistan*. Tashkent, National University of Uzbekistan, 2005. (rus.).
3. Yuldasheva R.K. The structure of the mahalla and its role in residential development historical cities of Uzbekistan. *Problems of Modern Science and Education*. 2022; 1(170):121-124. EDN RQYEKL. (rus.).

4. Ardalan N., Bakhtiar L. *The sense of Unity: The Sufi Tradition in Persian Architecture*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1973.
5. يف يرضحلا طيخنتلا و ومنل هلالا دب ع ،شاي ع و وبأ هلالا دب ع ،ببطلقلا ببوق عي قحسا / يببرعلا جيلخلا لود ،تاعوبطملا .شاي ع . 1980; 328. [Ishak Yaqoub Katb, Abdel Al Abbas. *Agricultural Development and Planning in the Countries of the Arabian Peninsula*. Matbua Publishing House, 1980; 328.]. URL: <https://lib.mcy.gov.ae/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=50795>
6. Notkin I.I. *Architectural and spatial formation of historically formed cities of Uzbekistan : dis. ... doc. architecture*. Tashkent, 1980; 1:418. (rus.).
7. Mankovskaya L.Yu. *Typological foundations of architecture in Central Asia (IX – early XX centuries)*. Tashkent, Fan, 1980; 183. (rus.).
8. Smolina N.I. *Traditions of symmetry in architecture*. Moscow, Stroyizdat, 1990; 344. (rus.).
9. Masson M.E. On the historical topography of Herat in the XV century. *Great Uzbek poet*. 1948. (rus.).
10. Pugachenkova G.A. *Architecture of Central Asia, XV century*. Tashkent, 1976; 115. (rus.).
11. Yargina Z.N. *City aesthetics*. Moscow, Stroyizdat, 1991; 365. (rus.).
12. Lynch K. *Perfect form in urban planning*. Moscow, Stroyizdat, 1986; 264. (rus.).
13. Le Corbusier S. *Architecture of the 20th century*. Moscow, Progress, 1970; 304. (rus.).
14. Gutnov A.E. *The evolution of urban planning*. Moscow, Stroyizdat, 1984; 256. (rus.).
15. Tange K. *Architecture of Japan: tradition and modernity*. Moscow, Progress, 1975; 239. (rus.).
16. Kositsky Ya.V. *Architectural and planning development of cities*. Moscow, Architecture-S, 2005; 648. (rus.).
17. Vladimirov V.V. *Settlement and environment*. Moscow, Stroyizdat, 1982; 228. (rus.).
18. Merlen P. City. *Quantitative research methods*. Moscow, Progress, 1977; 262. (rus.).
19. Lavrov V.A. *Development of the planning structure of historical cities*. Moscow, Stroyizdat, 1977; 176. (rus.).
20. Gutnov A.E. The city as an object of systemic research. *Questions of the theory of architecture : collection of articles*. 1976; 101-114. (rus.).
21. Maturana U. Biology of Cognition. *Language and Intelligence*. Moscow, Progress, 1995. (rus.).
22. Tkachev V.N., Sarvut T.O. Experience of translation of the mechanism of the theory of fractals to the principles of the development of the environment of the habitation of Siberia and Polarians. *Architecture and Construction of Russia*. 2019; 2(230):48-57. EDN GCYBIO. (rus.).

Received May 25, 2024.

Adopted in revised form on October 11, 2024.

Approved for publication on October 11, 2024.

BIONOTES: **Ammar Aasem** — postgraduate student of the Department of Architecture of the Institute of Architecture and Urban Planning; **Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (MGSU)**; 26 Yaroslavskoe shosse, Moscow, 129337, Russian Federation; asemamar95@gmail.com;

Valentin N. Tkachev — Doctor of Architecture, Professor of the Department of Architecture of the Institute of Architecture and Urban Planning; **Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (MGSU)**; 26 Yaroslavskoe shosse, Moscow, 129337, Russian Federation; ORCID: 0000-0001-5434-6785; valentintn@mail.ru.

Contribution of the authors: all authors made an equivalent contribution to the publication.

The authors declare no conflict of interest.